

ФИЛИП НОРМАН

ДЖОРДЖ ХАРРИСОН GEORGE HARRISON

PHILIP NORMAN

**GEORGE
HARRISON**

THE RELUCTANT
BEATLE

ФИЛИП НОРМАН
**ДЖОРДЖ
ХАРРИСОН**

БИТЛ
ПОНЕВОЛЕ

Перевод с английского
Александра Турова

издательство **АСТ**
Москва

УДК 785.071.1:929(410)
ББК 85.318(3)-8
Н83

This edition is published by arrangement with THE PETERS FRASER AND DUNLOP GROUP LTD and THE VAN LEAR AGENCY LLC

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Норман, Филип.

Н83 Джордж Харрисон. Битл поневоле / Филип НОРМАН; пер. с англ. А. ТУРОВА. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2026. — 576 с.

ISBN 978-5-17-184018-1

Кто-то скажет, что Джордж Харрисон вытянул счастливый билет. Парнишка из бедного ливерпульского квартала, не отличавшийся ни выдающимися успехами в учебе, ни яркой внешностью, ни пробивным характером, познакомился в школьном автобусе с таким же, как он, фанатом гитары. Однокашника звали Пол Маккартни, и он дружил с парнем по имени Джон Леннон...

Автор самой на сегодня полной и прекрасно документированной биографии Джорджа Харрисона, Филип Норман убежден: в мире ничто не происходит случайно. Дело не в везении — дело в несомненном таланте и готовности поставить на карту все ради следования своему призванию. Самый “закрытый” из битлов, Харрисон — не только виртуозный гитарист, но и одаренный композитор, — долгие годы держался в тени своих знаменитых собратьев, продолжая искать себя, идти своим путем, совершать свои ошибки и делать свои выборы.

УДК 785.071.1:929(410)
ББК 85.318(3)-8

ISBN 978-5-17-184018-1

- © Philip Norman, 2023
 - © А. Туров, перевод с английского, 2026
 - © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026
 - © Cinema Publishers Collection / Imago / East News, фото на обложке
 - © ООО “Издательство АСТ”, 2026
- Издательство CORPUS ®

Содержание

Пролог. Тихая улыбка победителя 7

Часть первая

Глава 1. “Береги его, потому что он будет особенным” 23

Глава 2. “Он настолько старался держаться в тени, что был словно Человек-невидимка” 48

Глава 3. “Играть только аккорды было лучше, чем не играть вообще” 66

Глава 4. “И с тех пор идея вкалывать с девяти до пяти больше никогда не приходила мне в голову” 76

Глава 5. “Мы были словно сироты” 92

Глава 6. “Мой первый трах... при том что Джон, Пол и Пит Бест глазели” 102

Глава 7. “Первые в мире исполнители рок-н-доула” 121

Глава 8. “Это был величайший приход на все времена” 143

Часть вторая

Глава 9. “Я всегда довольно жестоко обращался с Джорджем” 169

Глава 10. “Я научилась мыслить, как шпионка, и не оставлять за собой следов” 192

Глава 11. “Единственный свирепый взгляд битла, когда-либо запечатленный на камеру” 212

Глава 12. “Ну вот и все. Я больше не битл”	236
Глава 13. “Медитативный кайф”	255
Глава 14. “Прошу, не думайте, что я спятил”	268
Глава 15. “Не раздражайте «Ангелов ада»”	284
Глава 16. “Он так хотел стать духовным существом”	312
Глава 17. “Это было очень легкомысленно со стороны Джорджа. Он мог быть очень ветреным”	335
Глава 18. “Новая хижина битла Джорджа — башенки и всякое такое”	352

Часть третья

Глава 19. “Гарбо заговорила — Харрисон обрел свободу”	371
Глава 20. “Полагаю, он все еще человек с немалыми средствами”	389
Глава 21. “Я должен сказать тебе, чувак: я влюблен в твою жену”	394
Глава 22. “Милостью Кришны ты один из великих людей”	413
Глава 23. “Если кто-то хочет вернуть деньги, он может их получить”	434
Глава 24. “И впервые на экране: Джордж Харрисон”	455
Глава 25. “Самый дорогой в истории билет в кино”	475
Глава 26. “Возможно, он надеялся, что Бог его как-нибудь да выручит”	480
Глава 27. “Он потенциально оказывался перед лицом долга примерно в 32 миллиона фунтов”	502
Глава 28. “Может, махнем на яхте в южные моря и исчезнем навсегда?”	523
Глава 29. “Меня убивают в моем собственном доме”	541
<i>Эпилог. Признание от Принца</i>	559
<i>Благодарности</i>	561
<i>Указатель</i>	565

Пролог

Тихая улыбка победителя

29 ноября 2001 года Джордж Харрисон умирает в возрасте 58 лет после четырехлетней борьбы с раком. Со дня терактов 11 сентября прошло всего два с половиной месяца, однако, несмотря на гнетущие новости, которые доносятся из все еще дымящихся обломков Всемирного торгового центра, и ответную войну с террором, начатую президентом Джорджем Бушем — младшим, смерть Харрисона мгновенно становится главной темой телевизионных новостей и выходит на первые полосы газет.

Даже в такие дни никто не жалуется, что медиа уделяют слишком большое внимание второстепенным темам: ведь *Beatles* давно перестали быть просто поп-группой и превратились едва ли не в мировую религию. И хотя общий тон теле- и радиопередач остается мрачным, они теперь щедро пропитаны музыкой, которая даже спустя 30 лет после распада группы обладает неослабевающей силой пленять и утешать.

Неизбежно пробуждаются воспоминания об убийстве Джона Леннона в 1980 году — но эти две смерти различаются не только фактическими обстоятельствами. Чудовищно внезапная гибель Джона заставила полмира рыдать — люди, казалось, оплакивали потерю своенравного, но все еще горячо любимого старого друга. После смерти Джорджа, которого сразил более тихий убийца, миллионы могли бы горевать об уходе музыканта, но было гораздо труднее оплакивать человека: ведь

на безжалостно публичную поп-сцену никогда не выходил настолько замкнутый и погруженный в себя артист.

В поздние годы жизни Джордж — не то чтобы совсем в шутку — часто называл себя “битлом эконо-класса”, намекая на свой второстепенный по сравнению с Джоном и Полом Маккартни статус — с того самого дня, когда он вошел в состав их скиффл-группы *Quarrymen*, и почти до самого конца совместного пути. И все же он с непоколебимым упорством пробился в “первый класс” с песнями, не уступающими лучшим творениям Леннона и Маккартни (пусть и не столь многочисленными): “While My Guitar Gently Weeps”, “Here Comes The Sun”, “Something”, “My Sweet Lord”.

Как гитарист, он бесспорно входит в пантеон шестиструнных героев шестидесятых — в одном ряду с Эриком Клэптоном, Джими Хендриксом, Китом Ричардсом, Джеффом Бекем и Джимми Пейджем, хотя сам Джордж никогда не претендовал на то, что он нечто бóльшее, чем “сносный исполнитель”. Единственный из битлов, он обладал серьезным складом ума; *Beatles*, а затем и вся поп-музыка кардинально изменились после того, как Харрисон открыл для себя ситар и обратился к индуизму и индийской философии. Правильнее было бы назвать его “великим меньшинством” *Beatles*.

В безумии битломании начала шестидесятых никто не считал бы его второстепенной фигурой. Аудитория концертов обожала Джорджа почти так же, как Пола: утонченные черты лица, решительно очерченные брови и волосы настолько густые и пышные, что они, по завистливому замечанию ливерпульского школьного приятеля, напоминали “гребаный тюрбан”. Однако точеное лицо заметно реже озарялось веселой улыбкой, которую фанаты ожидали видеть постоянно; более того, это лицо вдруг наводило на удивительную мысль, что быть битлом — это, возможно, еще не синоним абсолютного блаженства.

Таков был этот бесконечно противоречивый “тихий битл” — на самом деле столь же острый на язык, как Джон на пресс-кон-

ференциях; тот, кто принял роль трудяги-гитариста, усердно склоняющегося над грифом, пока Джон и Пол соперничают за внимание публики, но за кулисами оказывался самым ранимым и обидчивым из четверки; тот, кто обличал “материальный мир”, но написал первую в истории поп-музыки песню-претензию к подоходному налогу; кто годами с любовью реставрировал свой 30-комнатный готический особняк Фрайар-Парк, но не задумываясь заложил его, чтобы профинансировать “Житие Брайана” — фильм своих друзей из “Монти Пайтон”; кто, как ни парадоксально, стал еще более зажатым и угрюмым *после* того, как научился медитации; кто мог коснуться высот благородства в своих концертах для Бангладеш и пасть в бездны предательства, походя соблазнив жену Ринго.

Авторы некрологов сходились на том, что высшее достижение Джорджа после *Beatles* — тройной альбом 1970 года *All Things Must Pass*, состоящий в основном из песен, которые он предлагал для группы и которые Джон и Пол отвергли (или тех, что он не стал даже предлагать, предвидя их равнодушие). Сплав индийских влияний и мощной поп-музыки, настоящий образец *world music*, записанный задолго до распространения этого термина, *All Things Must Pass* намного опередил по продажам (и до сих пор опережает) сольные дебюты его товарищей по группе: тихая улыбка победителя.

“My Sweet Lord”, ключевая песня альбома, стала универсальным религиозным гимном за год до появления знаменитой “Imagine” Джона, а мотив, сыгранный на слайд-гитаре, поющей, словно трепетный человеческий голос, превратился в такой же личный и неподражаемый музыкальный росчерк, как секущие фортепианные глиссандо Джерри Ли Льюиса или губная гармошка Стиви Уандера.

Впрочем, замечает Боб Гелдоф, практически каждое соло или рифф Джорджа Харрисона “навсегда врезаются в слуховую память... паузы, столь же красноречивые, как слова, в его шедевре «Something»... нисходящие карильонные арпеджио в «Here Comes The Sun», полные оптимизма (которого

Джордж не испытывал), соло «задом наперед», усиливающее эйфорическую ауру джоновской «I'm Only Sleeping»... длящаяся звенящая кода «A Hard Day's Night»... джазовые синкопы акустической гитары, добавляющие штрих утонченности «Till There Was You» — мелодии, которую Пол пел в эпоху концертов в *Cavern Club*... флегматичные аккорды, обуздывающие неистовство «She Loves You»... риффы в нижнем регистре в духе Дуэйна Эдди в «I Saw Her Standing There», до сих пор источающие дымную, пивную, полную похоти атмосферу гамбургской Репербан».

“Он был прекрасным парнем и очень храбрым человеком — буквально моим младшим братом”, — говорит Пол Маккартни, и до некоторой степени это правда.

“Я остро ощущаю, что в нем пребывала прекрасная душа”, — говорит его учитель игры на ситаре и духовный наставник Рави Шанкар.

“Он нашел нечто более ценное, чем слава, более ценное, чем богатство, более ценное, чем что-либо еще”, — говорит Элтон Джон.

“Его жизнь была волшебной, и мы все, знающие Джорджа, чувствовали, что приобщились к частице этого волшебства”, — говорит Йоко Оно Леннон, хотя жизнь его не была такой уж волшебной, и Йоко вовсе не была к ней приобщена.

“Нужна смелость, чтобы быть нежным, — говорит Брайан Мэй из *Queen*. — Он был для нас вдохновением”.

Его вторая жена Оливия, державшаяся в тени на протяжении 27 лет брака до той самой ночи в 1999 году, когда спасла ему жизнь, публикует заявление от своего имени и от имени 23-летнего Дхани, их единственного сына. Оплакивающие Джорджа должны стараться сохранить позитивный настрой, как это удавалось ему, говорит Оливия, ведь индуистские заповеди, которыми он жил, избавили его от страха смерти. “Он посвятил свою жизнь Богу давным-давно. Джордж говорил, что нельзя просто взять и найти Бога, когда умрешь... необходимо упражняться. Он принял то, что с ним происходило”.

И все же в каждой культурной среде и на каждом языке возникает одна и та же леденящая мысль, в том числе у людей, родившихся уже после — а во многих случаях и намного позже — распада *Beatles*:

“Теперь их осталось только двое”.

Первую годовщину смерти Джорджа отмечает концерт в лондонском Королевском Альберт-холле, организованный Оливией и Дхани при поддержке многих видных деятелей музыкальной индустрии. Доходы от концерта будут направлены в благотворительный фонд *Material World*, который Джордж учредил в 1974 году для поддержки различных проектов. Фонд финансируется с помощью роялти от авторских прав на песни Харрисона — о чем широкая публика по большей части не осведомлена.

Альберт-холл — это отделанный изнутри красным плюшем концертный “Колизей” у парка Кенсингтон-гарденс, построенный по заказу только что овдовевшей королевы Виктории в память об обожаемом супруге — принце-консрте Альберте. Это самая знаменитая площадка классической музыки в Лондоне, прежде всего благодаря летнему музыкальному фестивалю “Променадные концерты” (“Промс”), в ритуализированный последний вечер которых публика хором воспекает Британию как “Землю Надежды и Славы”.

Зал допускает и рок-концерты, но, как правило, с большой осторожностью — словно викторианская дама, пробующая на язык виски “Джек Дэниелс”. Впрочем, в случае мемориального концерта в честь Джорджа беспокоиться не о чем — рок сегодня вечером ведет себя безукоризненно: утопает в цветах, окутан благовониями и посвящен исключительно любви и уважению.

Неизбежны трогательные воспоминания о двух концертах в нью-йоркском Мэдисон-сквер-гардене 31 год назад, когда Джордж призвал друзей-суперзвезд выступить бес-

платно в помощь жертвам голода, наводнений и геноцида, терзавших новорожденное государство Бангладеш. Это было первое серьезное проявление социальной ответственности в музыкальной индустрии, до тех пор, казалось, одержимой лишь алчностью и тщеславием. Да и сам Джордж никогда не выглядел столь впечатляюще: Восток и Запад словно встретились и смешались в его козлиной бороде, щегольском белом костюме с мантрами “ом” — признаком опытного мастера медитации, — вышитыми на лацканах (а может, то были розы)?

Несколько участников сегодняшнего “Концерта для Джорджа” в свое время выступали на концертах для Бангладеш — тот же Рави Шанкар, обратившийся к своему преданному ученику за помощью, когда семья Шанкара оказалась втянута в водоворот национальной трагедии; или Ринго Старр, чья дружба с Харрисоном выдержала даже интрижку Джорджа с женой Ринго; или бас-гитарист и художник Клаус Форман, друживший с Джорджем еще с тех пор, как 17-летний Харрисон в 1960 году впервые приехал в Гамбург; или Билли Престон, которого Джордж в 1969-м привлек к злополучным “сессиям *Get Back*” в надежде, что гениальность Престона-пианиста и его бесконечное добродушие помогут разрядить накаленную атмосферу в студии.

Годы не пощадили этих призраков прошлого — за исключением как раз того из них, у кого, казалось, были наименьшие шансы остаться в живых. Это Эрик Клэптон — одновременно лучший друг Джорджа и его соперник в самом странном любовном треугольнике рока; Эрик, который увел первую жену Харрисона, посвятив ей песню, но которого Джордж не только простил, но впоследствии сблизился с ним даже еще больше.

Правда, теперь это совершенно другой Клэптон, не тот, что появился в Нью-Йорке в 1971-м — тогда он был настолько обдолбан героином, что Джорджу пришлось накачать приятеля метадоном, чтобы вытащить на сцену — и при этом дер-

жать наготове другого лид-гитариста на случай, если Клэптон, которого поклонники еще недавно называли “богом”, рухнет за смертью там, где стоял.

Сегодня, давно завязавший с героином и оправившийся от 18-летнего пьянства, Эрик взял на себя роль музыкального директора “Концерта для Джорджа”. Прежний избалованный безвольный “бог”, когда-то неспособный сделать хоть что-то для себя, не говоря уже о других, теперь отвечает за управление огромным составом музыкантов и очередность выступлений, а также сам заполняет множество слотов — и как солист, и в качестве сайдмена.

Другие участники концерта олицетворяют более счастливые этапы постбитловского музыкального пути Джорджа — например, Джефф Линн и Том Петти из *Traveling Wilburys*, которые в 1980-е вернули ему радость игры в рок-группе. А тот, кого сам Джордж наверняка назвал бы главной вехой своей жизни, почти весь вечер присутствует на сцене, облаченный в индийскую *курту* и с акустической гитарой в руках: это его сын Дхани, с такими же, как у отца, благородными чертами и роскошными волосами, но с печатью умиротворения на лице — возможно, в большей степени унаследованного от матери.

Присутствуют также более или менее случайные знакомые Джорджа — Гэри Брукер из *Procol Harum* и Энди Фэйрвезер Лоу, бывший солист группы *Amen Corner* — плюс команды приглашенных звезд: в общем и целом девять гитаристов, два клавишника и шесть барабанщиков, не считая перкуссиониста-виртуоза Рэя Купера — этот человек-мотор с розовой лысиной и в очках-велосипедах работает, как минимум, еще за троих. И в довершение — индийский классический ансамбль и западный струнный оркестр, три бэк-вокалистки и два хора.

Все это выглядит как готовый рецепт хаоса, но благодаря высокому профессионализму участников и тщательным репетициям под руководством трезвого, словно заново родившегося Клэптона два с половиной часа концерта проходят без единой накладки.

“Концерт для Джорджа” (так же, как было заведено им самим в концертах для Бангладеш) начинается с выражения признания индийской культуре, так повлиявшей на него: сначала молитва на санскрите, вступительное слово Рави Шанкара, затем его дочь Анушка исполняет на ситаре пьесу “Your Eyes”, а потом приходит очередь собственной песни Джорджа “The Inner Light” (вокал — Джефф Линн в черной панамке, смело претендующей на звание Самой Раздражающей Шляпы рок-звезды). В заключение индийской части концерта звучит произведение “Арпан” (*санскр.* “дарить”, “жертвовать”), написанное Шанкаром специально для этого вечера.

Западные слушатели сегодня лучше разбираются в индийской музыке, чем во времена концертов для Бангладеш, когда ансамблю Шанкара устроили овацию... после продолжительной настройки инструментов. И на этот раз уже не приходится просить публику проявить уважение и не курить в зале.

От возвышенной медитации в бездны абсурдного юмора (Джордж никогда не имел ничего против подобных переходов): следующим номером идет комедийная интерлюдия в исполнении Майкла Пейлина, Эрика Айдла, Терри Гиллиама и Терри Джонса из “Монти Пайтон” — их телешоу, как не раз говорил Джордж, сохранило ему рассудок во время распада *Beatles* и впоследствии привело к неожиданной трансформации в кинопродюсера.

Пейлин исполняет пайтоновскую “Lumberjack Song” (“Песню дровосека”) в сопровождении хора в мундирах Королевской канадской конной полиции, который проявляет все большее недоумение по поводу странных досугов лесоруба. В составе хора констеблей — Нил Иннес, создатель *Rutles* — пародии на *Beatles*, которую сам Джордж считал уморительной, — и Том Хэнкс: ради любви к Джорджу самый знаменитый актер Голливуда пересек Атлантику, чтобы, облачившись в красный китель и шляпу-стетсон конной полиции, пропеть песню, которая через несколько лет рискнет прослыть “трансфобной”.

“Западная” часть концерта начинается с Джеффа Линна (все еще в Той Самой Панамке), который поет “I Want To Tell You” из *Revolver* — альбома, в который Джорджу впервые разрешили дать три вещи. В то время эта новаторская песня — спотыкающийся рифф, словно автомобильный стартер, дающий осечку, повторяющийся диссонансный аккорд фортепиано, предвещающий грядущие раги, — оказалась в тени визионерской джоновской “Tomorrow Never Knows” и прошла практически незамеченной. И на фоне абстрактных размышлений о трудностях коммуникации — личное послание, почти столь же ошеломляющее и загадочное, как в джоновской “Help!”:

“Я словно подвешен — и не знаю почему”.

Внимание публики ненадолго переключается на клавишные и Гэри Брукера, голос “A Whiter Shade Of Pale” группы *Procol Harum*: Брукер поет “Old Brown Shoe” в сопровождении Клэптона, Энди Фэйрвезера Лоу, Альберта Ли и других известных солистов, которые сегодня охотно играют на подхвате, и кода песни словно уходит в бесконечность.

Честь исполнения самых знаменитых песен Джорджа распределялась со скрупулезностью Нобелевского комитета, и есть определенная неожиданность в том, что первая из них — “Here Comes The Sun” (самая популярная на стриминговых платформах песня *Beatles*) — достается Джо Брауну, одному из британских поп-певцов конца пятидесятых, которых именно битлы мгновенно сделали неактуальными. Но не с точки зрения Джорджа: ведь Браун играл на лид-гитаре в группах героев юности Харрисона — звезд американского рок-н-ролла Эдди Кокрана и Джина Винсента. Кроме того, Джордж разделял не вполне рок-н-рольную страсть Брауна к укулеле.

Джордж продолжал заниматься музыкой почти до самого конца, работая с Дхани над альбомом под названием *Brainwashed* (“оболваненный” или “зомбированный”) — типичная для Джорджа прямолинейная отсылка к его страшной болезни, — который Дхани пришлось доделывать без отца. В последний раз Джордж появился в студии, когда *Rhythm and*